

Гарри проснулся с улыбкой, застывшей на лице. Сон, что ему приснился, был не просто фантазией, а скорее воспоминанием, светлым, но немного неловким. Это был отголосок первого вечернего занятия с Арктуром. Взглядывая назад, Гарри краснел: шестилетний он был неуверенным, ранимым, не говоря уже о том, что был настоящим сорванцом. — Хорошо, Гарри, — Арктур говорил с дружелюбной улыбкой, — я понимаю, что все это, возможно, раздражает тебя, но я хочу узнать тебя получше. Я знаю, тебе непросто смириться со всеми этими переменами, поэтому предлагаю тебе возможность задать мне любые вопросы. Обо мне или о моей семье, которая теперь, можно сказать, твоя семья. Так что, — закончил он легкомысленно, — спрашивай, юный человек. Гарри не спешил отвечать; все недавние перемены в его жизни сделали его раздражительным. — Почему ты всегда хмуришься на людей, дядя Арктур? К его удивлению, Арктур тихонько рассмеялся. — Мы не выставляем свои чувства напоказ, Гарри. Быть настолько открытым, насколько мы хотим, — это признак большой близости. Обычно это оставляют для семьи и самых близких друзей. — А что такое близость? — спросил Гарри. — Ну, близость — это чувство удовлетворения, которое ты испытываешь в тесных отношениях со своими друзьями или семьей, например. — Арктур слегка усмехнулся. — Помимо всего прочего. Гарри не понял, но начал осознавать, что действительно может спрашивать все, что захочет. И хотя он не испытывал особой неприязни к этому странному дяде (хотя ему и рекомендовали называть его дедушкой), вся эта неразбериха, которая была его детством, все равно немного раздражала его. Он решил подразнить Арктура, в основном чтобы досадить самому себе и проверить установленные для него границы. — Почему ты иногда так странно говоришь? — Искусство слова — это искусство человечества, Гарри. Это был совершенно неудовлетворительный ответ, который он получил и не понял. — Что? — В широком смысле, Гарри, я имею в виду, что речь — это не просто средство. Это такое же искусство, как и война. Это, конечно, игра, если ты этого хочешь. — Игра? — удивился Гарри. — Конечно. Например, если бы я хотел избежать твоих вопросов, я мог бы легко отвечать тебе весь день, не лгая, но при этом воздерживаясь от того, чтобы сказать тебе то, что ты считаешь правдой. — Это так странно. Гарри начал понемногу злиться. Эти личные вопросы не принесли ожидаемого результата, поэтому он постарался быть более агрессивным в своем подходе, чтобы досадить Арктуру. — Почему я здесь? — Потому что я хочу, чтобы ты жил со мной. Простой и честный ответ застал его врасплох, и его самообладание немного упало. — Где Сириус? Впервые на лице Арктура появилось выражение боли. — Его не будет некоторое время. Не волнуйся, он вернется — через несколько лет. — Да, ты так говорил, но где он? — Он не хотел так просто сдаваться. — На острове, довольно далеко отсюда. Он не сможет уехать еще какое-то время. Даже Гарри понимал, что такая линия мышления принесет только боль им обоим, поэтому он сдался. Подумав немного и вернувшись к своему первоначальному плану наказать старика, хотя он и не был уверен, за что именно, у него появилась идея. — А сколько тебе лет? Глаза Арктура весело заплясали. В этот момент Гарри почему-то пришло в голову, что этот немощный старик, должно быть, его подкараулил. Невозможно, верно? — Спасибо, молодой человек. Мне 84 года. Поскольку старик не проглотил наживку Гарри, он попытался найти действительно неудобную тему. Что-то, что действительно сломало бы оборону его противника. Его совсем юный мозг придумал нечто такое, что заставило бы его самого чувствовать себя очень неловко. — Сколько девушек ты поцеловал? — потребовал он, уверенный в своем триумфе. Старик на удивление искренне рассмеялся. — Конечно, с моей собственной женой, Меланией, — добавил он, сделав небольшую паузу, а через мгновение продолжил, выглядя самодовольным и странно оживленным, — и еще с несколькими десятками, смею предположить. Гарри смотрел на старика с благоговением и неохотно признал свое поражение. У него все еще оставалось несколько честных вопросов. — Смогу ли я научиться магии? Научит ли меня кто-нибудь? Есть ли здесь что почитать? Где мы вообще находимся? Как зовут того домового эльфа, который пытается подкрасться ко мне, и почему он это делает? Улыбка Арктура стала еще шире. Но он не сразу заговорил. Словно вспомнив что-то, он на мгновение замолчал, но вскоре посмотрел на Гарри и начал отвечать. —

Да, ты обязательно сможешь научиться магии, Гарри. Ты такой же волшебник, как и я, и я не вижу причин, почему бы нам не начать твоё обучение немного раньше, если ты действительно заинтересован. Однако мы будем делать только то, что я сочту безопасным и достойным изучения. Некоторые вещи лучше оставить на потом, а другие лучше обсудить в школе, чтобы ты не провел несколько скучных и холодных лет в Шотландии. Поэтому я буду учить тебя магии, возможно, два раза в неделю. С другой стороны, я бы очень хотел передавать знания более общего характера каждый второй день недели — если тебя это устроит? Он бросил на него вопросительный взгляд, на который Гарри ответил кивком, предвкушая возможность научиться чему-то более полезному — наконец-то. — Очень хорошо. Я думаю, ты найдешь этого старика подходящим учителем. В свободное время ты также можешь заглянуть в библиотеку, хотя я бы хотел присутствовать на первых нескольких библиотечных занятиях, если тебя интересуют такие вещи. Существуют определенные правила, которым ты, да и все в этом доме, должны подчиняться. Глаза Гарри загорелись при виде перспективы иметь личную библиотеку. Он не ожидал многого, но, по крайней мере, у него будет хороший обзор. Арктур, казалось, снова прочитал его мысли, потому что затем добавил: — Я думаю, ты не будешь слишком разочарован. Мне сказали, что наша библиотека — вторая по величине частная коллекция магических томов в Британии. Гарри заметил, что Арктур, похоже, тоже был доволен этим. Если старик любил книги, то, возможно, это не так уж и плохо. — Что касается твоих остальных вопросов, то сейчас мы находимся в Лондоне, в Гриммо. Это одно из наших более скромных жилищ, хотя здесь есть места, которые может исследовать авантюрный молодой человек, и — я должен сказать — некоторые места лучше избегать, по крайней мере пока. А что касается твоего последнего вопроса, — он щелкнул пальцами и крикнул более суровым и громким голосом: — Кикимер! Кикимер! Минни! Гарри невольно присвистнул, увидев перед собой двоих нервно переминающихся домовых эльфов и третьего, старенького, но удивительно спокойного. В его глазах, голубых, как летнее небо, искрилась странная для эльфа уверенность. — Это ты! — Гарри вскочил, тыча пальцем в старика. — Ты рыскал по моей комнате! — Действительно, Крэнки, сэр, — пропищал эльф, почесывая за ухом. — Мы должны заботиться о ваших желаниях, сэр. А Крэнки беспокоился, что у вас могут возникнуть проблемы с вписыванием в коллектив. Крэнки не хотел создавать проблем. Хозяину Гарри нет нужды постоянно тыкать пальцем в старого, коварного Крэнки. — Эльф добавил с самодовольным видом, — Или продолжать паясать на бедного старого эльфа. Гарри растерянно перевел взгляд на Арктура, прикрывая рот ладонью. Да, он имел дело с домовыми эльфами, но непринужденность этого старичка немного смущала. — Ах да, Крэнки, возможно, уникален, — Арктур слегка усмехнулся, — Но будь уверен, он делает то, что ему говорят. И я не думаю, что у меня когда-либо были причины жаловаться на его работу. Крэнки повернулся к Арктуру, его самодовольный взгляд не дрогнул. Другие эльфы, наоборот, казались растерянными, метаясь между благоговением и возмущением, но это не смущало Крэнки. — Хозяин слишком добр, — проворчал эльф. — Если бы только Крэнки мог правдиво ответить на комплимент, он бы с радостью это сделал. К сожалению, Крэнки, похоже, помнил эпизоды подростковых неприятностей, в которые добрый мастер Арктур, похоже, так часто попадал в молодости. Впервые выражение благодушной безмятежности на лице Арктура дрогнуло, и Гарри тут же решил, что этот старый эльф ему нравится. Или, по крайней мере, ему не понравятся последствия того, что он не подружится с ним.